

ВТР и поискам вариантов примирения противоборствующих сторон. Итогом нового политического курса явилось подписание перемирия и создание в 1946 году коалиционного правительства Синьцзяна.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401 с/ч. «Особая папка» И.В. Сталина. Оп.2. Д.96. Л. 325-327.
2. ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. «Особая папка» И.В. Сталина. Оп.2. Д.98. Л. 377-379.
3. История внешней политики СССР 1917-1980 гг. Т. I. – М., 1980. – 511 с.
4. Советско-китайские отношения 1917-1957: Сборник документов. – М., 1959. – 466 с.

ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Сущенко В.А.

профессор кафедры исторической политологии, д-р ист. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Ковынева М.В.

преподаватель кафедры «естественные науки», канд. пед. наук, доцент,
Донской государственной технической университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассмотрены общие, особенные и уникальные черты Великой Русской революции в сравнении с опытом буржуазных революций в Европе и США, что позволяет подчеркнуть место России в мировом историческом процессе и её роль в изменении мирового порядка.

Ключевые слова: революция, реформа, власть, террор, традиционный уклад, индустриальное общество, цивилизационный подход, капитализм, социализм.

Столетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, вновь ставит вопрос о её месте в ряду революций прошлого и влиянии на ход мирового развития, что требует обратить особое внимание на проблему общего, особенного и единичного в истории каждой страны, пережившей революционные события. Поскольку общие и отличительные черты всех революций уже определены, то наша задача сводится к тому, чтобы их систематизировать и уточнить в соответствии с историческим опытом и новыми методами исследования, отменив, прежде всего, уникальность российского революционного опыта. Для анализа характерных черт революционного процесса в разных странах надо обратиться к рассмотрению тех революций, которые, в какой-то мере, подготовили крушение старых порядков и способствовали наступлению новой исторической эпохи. Это Нидерландская, Английская, Американская и Французская буржуазные революции. К ним можно отнести и революционные события в России, если отрешиться от

устаревших представлений о непреодолимых барьерах между Февралём 1917 года и Октябрём 1917 года.

Нашему анализу будут подвергнуты те стороны революционного процесса в России, которые сближают, или, напротив, отдаляют его от буржуазных революций прошлого. Казалось бы, главная отличительная черта Великой Русской революции уже озвучена во многих источниках ещё во времена советской историографии. Непререкаемым представлялся раньше вывод о том, что она была призвана утвердить новые производственные отношения, отменив частную собственность и устранив, тем самым, возможность эксплуатации человека человеком [1, с. 36]. Это коренным образом отличает её от прежних «однобоких» буржуазных революций, ограниченных по размаху и более приземлённых по задачам».

Поскольку марксистско-ленинская концепция исторического процесса сама все дальше уходит в область исторических преданий, то используя иной (цивилизационный) подход к изучению истории, можно заметить, что между Великой Русской революцией и буржуазными революциями в Европе и США гораздо больше сходства, чем различий.

Самая первая объединяющая все свершившиеся на протяжении XVI-XIX веков революции черта в том, что, несмотря на все существующие между ними различия, они решали одну общую задачу, ибо способствовали растянутому во времени и пространстве переходу от старого традиционного общественного уклада к новому индустриальному обществу. И сколько бы отдельные авторы не отдавали предпочтение реформам перед революциями, именно последние становились в определённых исторических условиях единственным средством прорыва из «царства необходимости в царство свободы», если заскорузлость и упрямство старой правящей элиты, её нежелание следовать духу времени становились преградой на пути прогрессивного развития страны.

Следующей общей чертой всех революций является то, что каждая из них посылая импульс в будущее. На её примерах учились другие поколения революционеров. Здесь к месту можно привести слова из работы Карла Маркса «Буржуазия и контрреволюция», где он, давая характеристику революциям прошлого, отмечал, что «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года – только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперёд по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [2, с. 114]. Русские революционеры тоже в своё время брали в качестве примера деятельность французских революционеров-якобинцев. Они даже вначале называли свою власть «якобинско-пролетарской диктатурой». При этом надо отметить, что каждая из последующих революций имела более широкий размах движения, более широкий состав участников революционных событий, более чёткое размежевание противоборствующих сил, более радикальные требования и брала на вооружение более экстремистские средства борьбы.

Ещё одной характерной чертой всех революций было то, что они разворачивались на фоне экономического кризиса и резкого ухудшения материального положения народных масс (вследствие непомерных расходов королевского двора, увеличения налогов и повинностей, войн и т.д.). Сюда только надо добавить, что нет прямой зависимости между «обострением выше обычного нужды и бедствий угнетённых классов» и наступлением революции. Иначе нельзя понять, почему в 90-е годы XX века в России резкое ухудшение положения большинства населения не вызвало революционный взрыв. Потому и не вызвало, что люди были заняты обеспечением условий своего выживания в тяжёлые годы либерально-рыночных реформ. К тому же, после крушения «реального социализма», они не видели уже других вариантов развития, кроме рыночной экономики и демократического устройства общества. На самом деле революции происходят в тот судьбоносный для любой страны момент, когда после заметного улучшения материального положения населения наступает его резкий спад, чего люди простить властям не могут, к тому же у них в головах уже созрел вариант идеального общества. Об этом надо постоянно помнить всем «власть предержащим».

Очередной определяющей чертой всех свершившихся революций, поэтому, была предшествовавшая им «революция в умах», то есть изменения в общественном сознании, поставившие под сомнения традиционные основы жизни и наметившие контуры более совершенного общества. Всегда в ходе этих революций прослеживалась идея достижения самого справедливого общественного строя. Здесь не так важно, строилась ли новая идеология на основе протестантской этики, как во времена Нидерландской и Английской буржуазных революций. На идеях философов-просветителей как в годы Французской и Американской революций. Или же на основе революционного марксизма, как в России. Здесь важно подчеркнуть, что все предлагаемые проекты переустройства общества на более справедливых началах не всегда соответствовали реальным условиям отдельной страны. К тому же эти проекты несли в себе груз прежних ошибок и старых заблуждений. В итоге, получалось, что все благие намерения целых поколений революционеров разбивались о суровую революционную действительность, воспроизводя тот облик общественного устройства, о котором творцы революций даже не помышляли.

Ведь, если взять Нидерландскую и Английскую буржуазные революции, то участники революционных событий даже не думали о создании нового строя. Они по настроению были скорее традиционалистами, апеллировали к прошлым социально-политическим институтам и правовым традициям. Как образно заметил один историк: «Это были люди, идущие вперёд с головами, повернутыми назад» [3, с. 1]. Потому всегда действия революционеров XVI – XVII веков протекали под религиозной оболочкой: борьба сторонников и противников Реформации в Нидерландах, столкновения между пуританами и сторонниками «высокой» англиканской церкви в Англии. Это характерная примета революций, свершившихся на закате средневековой эпохи, когда в сознании людей ещё господствовали религиозные убеждения, а в социально-

политическом строе сохранялись серьезные пережитки сословно-феодалных отношений.

В Советской же России марксистская идеологическая доктрина построения «нового общества» оказалась «переварена» реальными потребностями перехода страны к индустриальной фазе развития. В рамках коммунистической политической системы решалась та историческая задача, которую не сумела решить, на которой надорвалась, царская Россия – превратить аграрную страну в индустриальную державу. То был особый способ решения национально-государственной задачи путём предельной концентрации всех ресурсов страны на ключевых направлениях: создание мощной производственно-технической базы, изменение качественного состава населения, уровня и условий его жизни. Иными словами, под флагом строительства социалистического общества без рынка, частной собственности, путём устранения всех условий, порождающих эксплуатацию человека человеком и утверждения новой социально-политической системы, создавались основы индустриального общества.

Неправомерно, на наш взгляд, считать это отходом от магистрального пути развития человечества. Новый промышленный этап в развитии индустриального общества диктовал уже в конце XIX века иной, чем при буржуазно-демократическом строе, принцип государственного устройства общества по типу фабричного производства, с полным контролем и над экономикой, и над общественными процессами в стране. Советский тоталитаризм и фашистские режимы в Италии и Германии являлись подобной попыткой переустройства общества. Только в России, как в стране политических крайностей и реализованной антиутопии, этот тоталитаризм был доведён до конца.

Ещё одна, объединяющая Великую русскую революцию с революциями прошлого, черта заключается в том, что каждая революция в окружающем мире не ограничивалась периодом от взятия власти до её «апогея» т.е. момента самых радикальных преобразований. Напротив, каждая революция занимала целую историческую эпоху (иногда в несколько десятков лет), сопровождалась откатами и приливами революционной волны, установлением личной диктатуры, попытками возрождения старого строя и новыми революционными выступлениями. Если, опять же, отрешиться от предложенного советскими авторами термина «высший пик революции», то обнаружим, что между её началом и обустройством нового общества лежит дистанция огромного размера. В Нидерландах процесс перехода от старых феодальных общественных отношений к новому буржуазному обществу растянулся до 1609 года (43 года), в Англии до «Славной революции 1688 года (47 лет), во Франции до 1871 года (83 года).

Только в Северной Америке этот переход завершился гораздо быстрее к 1787 году (15 лет), на что были свои причины. Главная из них заключалась в том, что того «старого порядка», с которым боролись революционеры в Европе, в Северной Америке в полном объёме никогда не существовало, потому решающим условием перемен являлось завоевание независимости, ибо

укрепление английского господства влекло за собою установление в «Новом свете» полуфеодальных отношений. Следующей причиной более успешного хода Североамериканской революции является умеренность отцов-основателей США в средствах и методах решения внутренних проблем. Взять хотя бы отсутствие террора в отношении политических противников. В этом не было нужды: кроме отдельных т.н. "лоялистов", все остальные были сторонники независимости. Наконец, само демократическое государственное устройство Соединённых штатов с целой системой сдержек и противовесов между центральными и местными органами власти исключала возможность революционной диктатуры [4, с. 1].

Следующей общей чертой большинство этих революций, кроме Американской войны за независимость, было то, что носили незавершённый характер. Причиной этому были своеобразные условия, в которых протекали революции в отдельных странах. Нидерландская революция произошла ещё в период генезиса капиталистических отношений в Европе, когда не был столь выраженным социальный антагонизм по отношению к атрибутам феодального общества: дворянству и сословной корпоративности, поэтому неразвитая голландская буржуазия пошла на союз с дворянством. К тому же социальные конфликты заглушались участием всего населения Нидерландов в освободительной войне против Испании. Оттого победивший в Голландии строй нёс на себе феодально-корпоративные черты. В дальнейшем, Республика Соединённых провинций задержалась в своём развитии на стадии мануфактурного капитализма и впоследствии уступила пальму первенства в торгово-экономическом развитии Англии.

Подобная ситуация наблюдалась и в Англии, где в борьбе против монархии, феодального дворянства и господствующей англиканской церкви социально незрелая буржуазия вступила в союз с «новым дворянством» (джентри), что и позволило одержать победу над абсолютизмом. Из-за этого английской буржуазии пришлось на время разделить власть с новой земельческой аристократией, при определяющей роли последней. Только аграрная и промышленная революции в XVIII-XIX веках обеспечили победу капиталистических отношений и политическое лидерство промышленной буржуазии.

Иная ситуация в мире сложилась в XVIII- начале XX веков. В силу обострившихся социально-экономических противоречий и крайнего размежевания политических сил, во Франции и в России революции сопровождались крайней поляризацией политических сил и желанием смести старый строй до конца.

В большинстве европейских стран, переживших революции, в послереволюционный период наблюдалась борьба между теми, кто желал полностью восстановить прежний строй и теми, кто стремился реализовать идею нового социального порядка. Придавало революционному процессу затяжной характер и то обстоятельство, что прогрессивные силы, помня о кровавых издержках революции, избегали затем слишком решительных действий. Только не-

желание реакционеров во власти следовать духу времени побуждало их к более решительным действиям. Поэтому в Англии мы наблюдаем «Славную революцию» 1688 года, ознаменовавшуюся окончательным установлением здесь буржуазного миропорядка. Во Франции после реставрации Бурбонов произошло целых три революционных выступления (1830, 1848 и 1871 годы), прежде чем там полностью утвердился буржуазный строй.

Сходные черты можно обнаружить и в Великой Русской революции, где после взрыва революционных страстей и сталинской диктатуры начался период некоторой либерализации коммунистического режима, что впоследствии завершилось возвращением к прежнему социальному порядку, к утверждению рыночной экономики, демократического строя и либеральных идейно-политических ценностей в 1991 году, идей, провозглашённых ещё в Феврале 1917 года.

Ещё одной общей для всех революций чертой являлось то, что почти всегда вначале власть оказывалась в руках наиболее умеренных революционеров, затем, по мере обострения революционного процесса и втягивания в него широких народных масс, к власти приходили более радикальные силы, пока во главе не оказывались самые экстремистские элементы общества. Буржуазные революции в Англии и во Франции тому пример. От умеренных революционеров – пресвитерианцев к индипендентам в годы Английской революции. От конституционалистов к более радикальным революционерам-жирондистам, а от них к самым крайним радикалам-якобинцам. Однако в развитии каждого революционного движения наступает момент, когда народные массы устают от агитации, жаждут мира и безопасности. Тогда они устраняют радикалов и принимают меры, направленные утверждение определённых достижений революции, устраивавших большинство населения страны [4, с.2]. Реализовать эти стремления поначалу могла только личная диктатура одного из вождей революции: Кромвеля, Наполеона или Сталина. Только в США, в силу ряда причин, в основном благодаря демократическому устройству этого избежала.

В Советской России, как уже отмечалось, такому периоду относительной стабилизации вполне могут соответствовать годы нэпа и эпоха «развитого социализма», когда после смерти И.В. Сталина, устроителя социализма в СССР, произошла некоторая либерализация коммунистического режима.

Революции почти всегда сопровождались гражданской войной, в ряде случаев осложнённой вмешательством иностранных держав, выступающих на стороне контрреволюционных сил. Против революционной Франции выступали целые коалиции европейских держав. Советская Россия пережила нашествие буквально «четырёхнадцати держав». Только Англия избежала этой участи. Ее островное положение и постоянные тогда войны между европейскими державами, избавили эту страну от иностранных вторжений. В Голландии и в Соединённых Североамериканских штатах революции носили характер национально-освободительного движения против испанского или английского господства и там слабее были проявления гражданской войны. В

Нидерландах наблюдалась ожесточённая борьба между католиками и протестантами, в Англии между приверженцами короля и сторонниками парламента, во Франции между республиканцами и роялистами, нашедшая своё воплощение в «Вандейских войнах». Даже в ходе Североамериканской революции была своя гражданская война, правда, в закамуфлированном виде, как борьба патриотов с лоялистами, т.е. сторонниками сохранения английского господства. Только Американская революция избежала вмешательства иностранных государств. Она произошла далеко от Европы, в «Новом свете» и никак не могла угрожать благополучию европейских монархий. Американское правительство, к тому же, руководилось во внешней политике сугубо прагматическими соображениями, провозгласив нейтралитет и выразив желание свободной торговли со всеми европейскими странами. Формально одоблив установление республики во Франции, отцы-основатели США избегали всяких контактов с её руководством [4, с. 2].

Революциям часто сопутствовал террор, за исключением Соединённых штатов Америки. В зависимости от исторической эпохи и накала общественных страстей, революционный террор шёл по нарастающей от одной революции к другой, чем позже наступала революция, тем ожесточённее был террор против её противников. Нельзя согласиться с тем утверждением, что Английской революции удалось избежать революционного террора, как в Соединённых штатах Америки. Только в ходе Английской буржуазной революции массовый террор коснулся в основном католического населения Ирландии и Шотландии, сохранившего преданность королю. Во время Великой Французской буржуазной революции террор обрушился на прежде привилегированные сословия – «аристократов» и «попов», а также ставших на их сторону крестьян – «вандейцев». Во времена Великой Русской революции террор принял всеохватный характер, с политического поля страны устранялись целые классы и социальные группы «не вписывающиеся в социализм». Даже, если обратить внимание на верховных носителей власти, то в Англии ограничились казнью одного короля Карла I. Во Франции гильотинировали королевскую чету, а в России истребили всю царскую династию.

И ещё на одну пагубную черту всех европейских революций, включая Россию, хотелось бы указать. На то, что в ходе революционных событий наибольшие потери несли народ, главным образом, крестьянство и образованная прослойка общества, именно те слои населения, которые больше других ждали революцию и которые её готовили. Стоит лишь вспомнить усилившийся после Английской революции процесс «огораживания» крестьян, «Вандейские войны» во Франции, опустошившие юго-запад страны и «продразвёрстка» с последующей коллективизацией в России, переломившая, по образному заявлению ряда современных авторов, «становой хребет» русскому крестьянству.

Итак, общими чертами всех, прогремевших над миром в XVI-XX веках революций, были следующие.

Во-первых, что они, несмотря на поставленные цели и провозглашённые лозунги, на деле подготавливали переход от традиционного общества к индустриальной фазе развития.

Во-вторых, каждой революции предшествовали ухудшение экономического положения в стране по вине власти, а также глубокие изменения в общественном сознании, когда в нём созревала идея альтернативы существующему социально-политическому строю.

В-третьих, согласно песни «есть у революции начало, но нет у революции конца», каждая революция имела прообраз и пример в предшествующих революциях, каждая из них имела своим следствием более радикальные изменения в обществе. Кроме того, все революции носили незавершённый характер, занимали целый исторический этап совершенствования нового социально-экономического строя и укрепления нового политического режима.

В-четвёртых, постоянным атрибутом всех революций являлось крепнущее в народе в ходе революционных баталий стремление к спокойствию и порядку, тяга к общественной стабилизации на основе синтеза старого и нового общественных укладов.

В-пятых, от революции больше пострадали те, ради которых она, якобы свершалась. Прежде всего, народ, становящийся объектом для совершения социальных экспериментов (в основном крестьянство), а также сами её устроители, ставшие жертвами внутрипартийной борьбы, согласно крылатой фразе, что «революция пожирает своих детей».

Частными проявлениями общих закономерностей, характерных только для ряда стран следует считать следующие черты:

Первое, не все революции происходили под лозунгами разрушения старого уклада и утверждения нового социального порядка. В странах раннего капитализма (Голландия и Англия), где революции произошли ещё на заре капиталистической эпохи, они разворачивались в защиту старых порядков и выступали под «религиозной оболочкой».

Второе, некоторые революции (в Нидерландах и Соединённых штатах Америки) имели характер национально-освободительной войны. Потому там гражданская война не приобрела таких крайних форм, как в других странах. В этих странах также отсутствовало такое типичное для других стран явление, как революционный террор.

Третье, во многих странах, переживших революцию, наблюдался её спад, и даже период контрреволюционной диктатуры до наступления новой революции. Продолжительность переходного периода от одного революционного взрыва к другому революционному кризису определялась нерешительностью политиков, помнящих о прежних кровавых издержках революции.

И поистине уникальными чертами обладает Великая русская революция, определяемые тем, что, во-первых, возвращению России в «лоно мировой цивилизации» предшествовал довольно протяжённый период строительства нового общества и отрицания капитализма.

Во-вторых, Великая Русская революция протекала в специфических условиях, когда капиталистическая система хозяйства переживала на пороге нового XX века глобальный кризис и революционные мыслители России размышляли о том, как избавить страну от двух зол: Сциллы самодержавно-сословного строя – рудимента феодальной эпохи, и от Харибды капитализма, успевшего проявить свои отрицательные стороны. Созданием нового идеального общества наша страна и занималась семьдесят с лишним лет.

В-третьих, идея социального переустройства общества родилась не на пустом месте. Как заметил русский философ Николай Бердяев, вся русская история подготавливала коммунизм, поскольку в него вошли все присущие ему черты: жажда социальной справедливости и равенство, признание трудящихся классов высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии» [6, с. 94, 100].

Список литературы

1. Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1961. – Т.3. – 516 с.
2. К. Маркс и Фридрих Энгельс. Революция и контрреволюция. Соч., т.6.
3. Революция в Нидерландах в 16 веке. Энциклопедия мифологии. /интернет-ресурсы: godsbay.ru/civilizations/niderlandy_revolycia.html.
4. Новая история Европы и Америки. Первый период. – М.: Высшая школа, 1997 – 415 с. /интернет-ресурсы: www.countries.run/?p.id=176.
5. Бердяев Н.И. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.